

В ПОИСКАХ ЛОГОСА ГЕРАКЛИТА

С. Н. КОЧЕРОВ

НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

kocherov@yandex.ru

SERGEY KOCHEROV

National Research University «Higher school of Economics» (Nizhny Novgorod)

IN SEARCH OF THE HERACLITEAN LOGOS

ABSTRACT. The paper attempts to clarify the essence of logos as found in the teaching of Heraclitus. The author identifies meanings which Heraclitus attributes to the concept, investigates his suggested method of cognizing logos, and analyzes the benefits bestowed upon a human being by comprehension of logos. It is hypothesized that the Heraclitean logos is not an originating principle, like a supreme god or cosmic fire, but its attribute – the verbalized intelligence of being inherent both in the world as a whole and one’s soul. As a mental-verbal projection, logos is open not to the sensory organs or even reason, but to the intellectual intuition. Therefore, the knowledge of logos cannot be taught, but can be obtained through self-cognition. Comprehension of logos leads to following the universal, which, in polity’s life, is equal to the common good. However, according to Heraclitus, this is something attainable only by wise and virtuous, “the best”, not by wicked and ignorant majority.

KEYWORDS: Heraclitus’ logos, knowledge of the one and universal, mental-verbal projection of being, cognition as self-exploration, role of a sage in a state.

Гераклит является, вероятно, самым загадочным античным мыслителем. Ни один философ древней Греции не вызвал своим учением столько предположений и возражений, как этот мудрец из Эфеса. Двусмысленность и парадоксальность его изречений, по-видимому, были обусловлены как желанием защитить свои взгляды от вызывавших его презрение профанов, так и необходимостью придать мифологическую и аллегорическую форму идеям, для выражения которых еще не существовало адекватного языка. Не причисляя себя ни к «физикам», как называли мыслителей Милетской школы, ни к «философам», как в конце VI в. до н.э. именовали себя только пифагорейцы, Гераклит считал себя человеком, которому открылась вселенская мудрость.

В центре учения Гераклита находится понятие логоса, содержание которого в последнем столетии вызвало, пожалуй, более острую полемику среди исследователей, чем между мыслителями самой античности. Как следует из дошедших до нас фрагментов его книги «О природе», Эфесец видел в постижении логоса главное условие познания высшей истины. Это объясняет его непримиримость и язвительность в отношении мудрецов того времени, не понимавших, что знание многого не может заменить знания единого. Какие же вопросы о логосе оставил нам Гераклит и как он сам ответил на них?

Что есть логос?

Даже спустя 2500 лет после Гераклита понимание его логоса связано, по меньшей мере, с тремя видами трудностей. Во-первых, еще при жизни мыслителя слово λόγος имело множество смыслов, которые он использовал, не давая, как и подобает пророку божественной истины, никаких разъяснений на этот счет. Так, в греческом мире V в. до н.э. оно понималось как: 1) слово, речь; 2) сказанное, написанное; 3) достоинство, уважение, слава; 4) размышление, мнение; 5) довод, причина, основание; 6) чистая правда, в отличие от пустых слов; 7) мера, соответствие, пропорция; 8) правило, общий принцип; 9) разум; 10) определение, – и даже это еще не все (см. Гатри 2015, 686-693). Гераклит, впервые придавший логосу философский смысл, не только не видел нужды в его дефиниции, но и употреблял в более привычных его значениях. Поэтому прояснить, как он понимал λόγος в том или ином фрагменте, – сложная и не всегда исполнимая задача.

Во-вторых, целый ряд видных исследователей Гераклита в XX в. стремились передать содержание λόγος посредством одного понятия. Так, его отождествляли с огнем (Э. Целлер), понимали как закон (Г. Дильс, А.О. Маковельский, У. Гатри), смысл (В. Кранц), причину (Р. Хикс), сущность (Э. Вертс), меру (Дж. Бёрнет, О. Жигон), даже как «формулу вещей» (Дж. Керк). Однако каждая следующая эпоха вносила так много своих нюансов в понимание идей Эфесца, что обнаружить «подлинного Гераклита» под слоями интерпретаций его комментаторов практически невозможно. Ч. Кан совершенно прав в том, что «речь Гераклита была обращена к другим слушателям, в другое время и в другом месте ...Он будет говорить с нами лишь постольку, поскольку мы способны выразить его смысл в наших собственных терминах» (Kahn 1979, 88). Поэтому, с одной стороны, нужно воздерживаться от соблазна домыслить за Гераклита, что он имел в виду под λόγος в каждом изречении, смиренно сознавая, что мы можем выразить его мысль только языком философии нашего времени. С другой стороны, было бы не-

простительным малодушием для исследователей отказаться от попыток осмысления его логоса на том основании, что мы никогда не узнаем в точности содержания, вложенного в концепт самим Эфесцем.

В-третьих, мы судим об учении Гераклита не по его книге, не дошедшей до нас, а по ее фрагментам в пересказе поздних античных и христианских мыслителей, снабдивших их своими комментариями. Историкам философии ничего не остается, как опираться на приводимые ими изречения Гераклита, которые подтверждаются другими мыслителями той эпохи. Впрочем, даже среди них встречаются приписываемые Эфесцу высказывания, которые большинство современных исследователей ставит под сомнение. Так, редкая в наше время работа, посвященная Гераклиту, обходится без утверждения, что знаменитое выражение «все течет» (πάντα ρεῖ), или близкое по смыслу «все движется, и ничто не остается на месте», скорее всего, ему не принадлежит. И ее автора не смущает, что это изречение относили к Гераклиту даже такие авторитетные философы, как Платон (*Crat.* 402a) и Аристотель (*Met.*, XIII 4, 1078b13), хотя оно и отсутствует в дошедших до нас фрагментах. Конечно, первейшая обязанность комментатора – следовать первоисточнику. Но, проявив верность Гераклиту в одном отношении, логично довериться ему и в другом.

Так, заслуживает внимания, что само слово λόγος, как и производные λόγου, λόγους, λόγῳ, встречается у Эфесца не часто. Зато он использует такие понятия, как νόος (мысль, ум, разум), γνώμη (рассудок, разум, здравый смысл), φρόνησις (здравый смысл, рассудительность, ум), σοφόν (мудрость, знание). Нередко именно они занимают в гномах Гераклита место, на которые его переводчики и комментаторы ставят логос. Например, Секст-Эмпирик пишет о Гераклите: «Разум (λόγος) же он утверждает в качестве судьи об истине, однако не какой бы то ни было, но общий и божественный» (Секст-Эмпирик, *Против ученых* VII 127, пер. А. Ф. Лосева). Между тем цитата из книги Гераклита Диогена Лаэртия, приведенная во «Фрагментах досократиков» Дильса-Кранца, гласит: «Ибо Мудрым [Существом] можно считать только одно: Ум, могущий править всей Вселенной» (DK 22 B41),¹ причем в древнегреческом оригинале данный ум передается словом γνώμην, а не λόγος. Сходная мысль выражена и в изречении Эфесца: «Человеческая натура не обладает разумом, а божественная обладает» (DK 22 B78), где разумность опять же обозначается словом γνώμας.

¹ Фрагменты из труда Дильса-Кранца приводятся в переводе А.В. Лебедева (Лебедев 1989, 176–257).

Вопреки сложившемуся мнению, что логос – это закон, только в одном изречении Гераклита эти понятия встречаются вместе, причем из контекста никак не следует, что для него они были тождественны. Так, по его словам, «кто намерен говорить [= «изрекать свой логос»] с умом, те должны крепко опираться на общее для всех, как граждане полиса – на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного...» (DK 22 B114). Из фрагмента следует, что «логос» здесь понимается как речь, тогда как «закон» – и человеческий, и божественный – передается греческим словом νόμος. В прямых цитатах из книги Гераклита нельзя найти подтверждения ни тому, что он видел общее в Логосе и Эоне (Ипполит Римский, *Опровержение всех ересей IX*, 9, 1), ни тому, будто он определял логос как разум, являющийся субстанцией судьбы и пронизывающий естество Вселенной (*Мнения философов I*, 28, 1).

Гераклит, вероятно, оказал бы великую услугу современным исследователям, сближающим его учение о логосе с понятием меры, если бы внес небольшое, но важное изменение в свое знаменитое изречение: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, – но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» (DK 22 B30). Здесь Эфесец мог бы прямо соединить космические циклы «вечно живого огня» с логосом как распорядителем данного процесса, но вместо этого в качестве его регулирующей меры он дважды использовал слово μέτρα.² И это же слово, а не λόγος он употребил в другом значимом фрагменте, характеризующем поддержание миропорядка: «Солнце не преступит [положенных] мер, – говорит Гераклит, – а не то его разыщут Эринии, союзницы Правды» (DK 22 B94). Нет достаточных оснований и для того, чтобы предельно сближать логос с «мировым порядком, тождественным для всех» (Лосев 2000, 389), поскольку в том же фрагменте 30, на который дается ссылка этим исследователем, мировой порядок передан словом κόσμος (космос), а логос даже не упоминается.

На все эти доводы, конечно, можно возразить, что логос Гераклита регулирует мировой порядок, явно не проявляя себя, поскольку, по его же словам, «природа любит прятаться» (DK 22 B123). Однако вряд ли можно считать случайностью, что мыслитель, создавший учение, проникнутое яркой манифестацией логоса, в одних своих изречениях не использовал это понятие, тогда как в других вдохновенно говорил о нем. Если уж ставить перед

² В некоторых работах по философии Гераклита предпринимаются попытки напрямую связать его учение о логосе с развитием товарно-денежных отношений в Греции VI–V вв. до н.э. (см., например, Seaford 2004).

собой задачу «пуститься в поиски настоящего Гераклита», который «попросту погребен под тяжестью академической терминологии Аристотеля, Секста Эмпирика, Диогена Лаэртция и всех доксографов» (Лосев 2000, 378), то необходимо следовать тому, что писал сам Гераклит. После указания на фрагменты, в которых этот мыслитель предпочел обойтись без понятия λόγος, обратимся к другим фрагментам, где он достаточно ясно излагает свое понимание логоса.

В первом из них Эфесец характеризует его как речь, обращенную ко всем людям: «Эту-вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой-вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее]...» (DK 22 B1). Во втором он подчеркивает всеобщий характер логоса, которому люди пытаются противопоставить свое частное мнение: «Поэтому должно следовать общему, но хотя разум (логос) – общ, большинство [людей] (οἱ πολλοί) живет так, как если бы у них был особенный рассудок (ἰδίαν φρόνησιν)» (DK 22 B2). Даже если поставить под сомнение прямую идентификацию логоса как разума, допущенную переводчиком, нельзя не согласиться с тем, что Гераклит здесь недвусмысленно говорит о едином логосе, объективно данном для всех.

Суть этого единого и всеобщего логоса также передается, хотя и философско-отвлеченным языком, но не допускающим двух мнений суждением: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно» (DK 22 B50). Для Гераклита важно, чтобы люди приняли это знание не потому, что он принес его им, но в силу заключенной в нем высшей истины. Известно, сколь язвительно он отзывался о «мастерах лжи» и «лжесвидетелях», выдающих за правду свое понимание. Не лучшего мнения Эфесец был и о невеждах, которых уподоблял многим спящим среди немногих бодрствующих. Они готовы принять на веру суждения мудрецов и следовать за толпой, поскольку «дурак любит восторгаться любой речью (λόγος)» (DK 22 B87). Поэтому большинство людей живет в разладе с всеобщим логосом, даже не замечая его обращения к ним. Отсюда их непонимание подлинной реальности, выпадение из нее, ибо «для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный» (DK 22 B89). Таким образом, логос, о котором говорит Эфесец, предстает у него как речь, повествование, прорицание, общее для всех людей, что несет им высшую истину и мудрость в виде знания единого.

Новые сведения о логосе содержатся в изречениях Гераклита, посвященных его связи с душой человека. Одно из самых известных среди них гласит: «Границ души тебе не отыскать, но какому бы пути [=в каком бы направле-

нии] ты ни пошел: столь глубока ее мера [=«объем», λόγος] (DK 22 B45). Как следует понимать логос в данном фрагменте, между исследователями нет единства. Даже составители «Фрагментов досократиков» разошлись во мнениях по этому поводу: Г. Дильс перевел здесь λόγος как «дно» (Grund), а В. Кранц – как «смысл» (Sinn). Э. Вертс понимал под логосом души ее «сущность», Дж. Бёрнет, О. Жигон, Дж. Керк – «меру» (см. Гатри 2015, 773), А.Ф. Лосев – «разум». Между тем заслуживает внимания завершение изречения в древнегреческом оригинале: οὕτω βαθὺν λόγον ἔχει. Буквально оно означает «так глубока ее логос», или «таким глубоким она обладает логосом», поскольку слово ἔχει переводится как «иметь», «владеть», «обладать». Если последний перевод более верен, это может пролить новый свет на гераклитовский логос. Ибо если душа «обладает» логосом, то, независимо от того, что под этим имел в виду Гераклит, он считал логос не субъектом, а предикатом. То есть его логос предстает здесь не субстанциальным началом, но его атрибутом. Этому пониманию логоса души не противоречат и такие изречения Гераклита, как «Душе присуща самовозрастающая мера (λόγος) (DK 22 B15) или «Сухая душа – мудрейшая и наилучшая» (DK 22 B18).

Если экстраполировать такое представление о логосе на мир в целом, то можно сделать вывод, что и космический огонь, и верховный бог у Гераклита обладают логосом, но их не следует отождествлять с ним, как нельзя приравнивать к логосу душу человека. Восприятие бога, ума (логоса), огня и судьбы как различных имен единого первоначала – это воззрение стоической школы, творчески переработавшей космологию Гераклита. В дошедших до нас изречениях самого Эфесца нет прямых подтверждений тому, что он считал логос синонимом бога, ума, огня или судьбы. Так, в гноме «Одноединственное Мудрое [Существо] называться не желает и желает именем Зевса» (DK 22 B32) «мудрое» является переводом слова σοφόν. Выше уже приводилось изречение «Ибо Мудрым [Существом] можно считать только одно: Ум, могущий править всей Вселенной», где Ум обозначен как γνῶμη. В одном из редких высказываний Гераклита (DK 22 B67), где изменение ума сравнивается (но не отождествляется) с изменением огня, ум передается словом νοῦς. Поэтому одно из двух: или Эфесец был небрежен в использовании слова λόγος, или он употреблял его только в подходящих, по его мнению, случаях. Но так как именно он ввел это понятие в философию, второе объяснение выглядит предпочтительнее.

Так что же все-таки понимал Гераклит под логосом? Ответ на этот вопрос станет более понятным, если сравнить учение о логосе Эфесца с учением о бытии Парменида. Несмотря на то, что этих мыслителей принято считать философскими антиподами, оба они предложили концепцию упорядочен-

ного мира, постигаемого нашим разумом, хотя и разошлись в понимании того, как сочетаются в нем изменчивость и устойчивость. Восхождение в этот умопостигаемый мир требует от человека правильного мышления, которое одно может привести его в чертоги истинно сущего. Для Парменида исходным основанием для его понимания стало признание тождества бытия и мышления («мыслить и быть одно и то же»). Для Гераклита же таким руководящим принципом было признание тождества мысли и слова, выраженное им в понятии логоса. В пользу данной гипотезы говорит, в частности, то, что, по сообщению Лактанция и Тертуллиана, λόγος у греков означал «sermonem atque rationem» (Маковельский 1999, 233), т.е. «слово и идею».

Таким образом, логос Гераклита выражает истинный взгляд на мир как единое и общее целое, поддерживаемое борьбой противоположностей. Эфесец полагал, что космос открыт для познания человека, как книга для читателя, но чтобы его понять, надо знать язык, на котором он обращается к нему. Отсюда его интерес к образованию и связыванию слов (вроде βίος – «жизнь» и βίος – «лук»), в котором можно видеть как проявление атавистической веры в возможность управлять вещами посредством «тайных» слов, так и осознание потребности в создании языка, способного передать сложность мироздания. Можно согласиться с С. Виейрой, что «используя такую структуру для описания реальности, Гераклит подражал мировому порядку в его словесном порядке, предоставляя своим слушателям аналогию, которая, однажды воспринятая в тексте, научила бы их правильно интерпретировать саму природу» (Vieira 2013, 473).

Среди слов, имеющих явные и тайные смыслы, которые нужно улавливать и разгадывать, самым сложным оказывается логос. В философском смысле, который скрыт за его обычными значениями, λόγος есть «свет бытия во тьме невежества и ложных мнений», мысленно-речевая проекция в разуме человека подлинного миропорядка, каким его представлял Гераклит. Введенный Эфесцем как «средство общения» между человеком и космосом, он имеет характерные признаки обоих участников «коммуникации». Логос человека состоит в его правильном познании мира и основанном на этом должном поведении в обществе. Логос же космоса заключен в его разумной организации, в согласованности и необходимости происходящих в нем изменений. Поэтому λόγος Гераклита часто переводят как «разум», «мера», «закон». Однако, хотя применительно к некоторым изречениям мыслителя такой перевод выглядит удачным, ввиду глубины и сложности его содержания логос представляет слишком многозначный концепт, чтобы его можно было выразить одним словом. Поэтому, на мой взгляд, было бы правильнее переводить его именно как «логос», отказавшись от попыток добиться в

каждом случае его бесспорной интерпретации. Многоаспектность понятия логоса подтверждается и большими сложностями, возникающими для всех, кто хочет его понять.

Как можно познать логос?

Взгляд Гераклита на познание логоса противоречив. С одной стороны, он настаивает на том, что мировой логос обращен ко всем людям и проявляет себя в очевидных для них вещах и событиях. С другой стороны, Эфесец утверждает, что подавляющее большинство людей не внимают его призывам. Данный парадокс ясно выражен в цитируемом выше фрагменте: «Эту вот Речь (Логос), сущую вечно, люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды». Чем же Гераклит объясняет как возможность познания логоса, так и неумение или нежелание людей ею воспользоваться? Ответы Эфесца на эти два вопроса можно найти в целом ряде его изречений, которые, казалось бы, не оставляют никаких сомнений.

Гераклит признает здравомыслие способностью, присущей всем людям: «Здравый рассудок – у всех общий» (DK 22 В13). Исходя из этого, он полагал, что «всем людям дано познавать самих себя и быть целомудренными» (DK 22 В16), причем здесь последним идет слово *σωφρονεῖν*, которое можно перевести и как «здравомыслящий, благоразумный, рассудительный». Наряду с мышлением все люди наделены органами чувств, из которых Гераклит выше других ценит зрение и слух: «Что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю» (DK 22 В55). Однако своими познавательными способностями большинство людей, по мнению Эфесца, распоряжается плохо. Одна из главных причин этого – грубость их душ, увлажненных и отягощенных плотскими желаниями: «Глаза и уши – дурные свидетели для людей, если души у них варварские» (DK 22 В107). Опасны для познания также страсти, понимание силы и власти которых над людьми побуждает Гераклита признать: «С сердцем бороться тяжело, ибо чего оно хочет, то покупает ценой души [= жизни]» (DK 22 В85). Пагубную роль играет и зависимость людей от взглядов старших поколений (DK 22 В74) и обывательских мнений: «Они дуреют от песен деревенской черни и берут в учителя толпу, того не ведая, что многие – дурны, немногие – хороши» (DK 22 В104). По этим причинам «большинство [людей] не мыслят [~ воспринимают] вещи такими, какими встречаются их [в опыте] и, узнав, не понимают, но воображают [~ грезят]» (DK 22 В17). Гераклит говорит, что невежество делает их подобными невидящим, не слышащим и спящим.

Не лучшего мнения он и о знаниях признанных мудрецов. Гераклит обвиняет их в непонимании сути мудрости (σοφόν), за которую они ложно приняли «многознание», т. е. широкую образованность, большую ученость (πολυμάθη). Он не отрицает, что «многого знатоками должны быть любомудрые мужи» (DK 22 B35). Но все же истинная мудрость, согласно Эфесцу, состоит в знании всеобщего, единого и от всего обособленного Ума, могущего править всей Вселенной. Этого не понимали прежние мудрецы, которые, как и обычные люди, обманывались даже в простых вещах: Гомер не смог разгадать загадку детей, а Гесиод – постичь единство дня и ночи. Тем более поэты и мудрецы прошлого оказались не в состоянии уразуметь главную причину происходящих изменений: «как враждебное находится в согласии с собой: перевернутое соединение (гармония), как у лука и лиры» (DK 22 B51). Поэтому учение каждого из них представляет собой не истину, но мнение, принимаемое невежественным большинством за высшую мудрость.

Но почему логос, равно обращенный ко всем людям, был услышан и понят лишь одним Гераклитом? Эфесец полагал, что на то есть как объективные, так и субъективные причины. Во-первых, как уже было сказано, «природа любит прятаться», не проявляя очевидным образом присущих ей причин и свойств. Бог, обладающий логосом, также никогда не открывает свои знания людям прямо, ибо «владыка, чье прорицалище в Дельфах, и не говорит, и не утаивает, а подает знаки» (DK 22 B93). Во-вторых, даже люди с пытливым умом, желающие познать истину, неверно трактуют знания, получаемые ими из опыта. «Ибо, хотя все [люди], – говорит Гераклит, – сталкиваются напрямую с этой-вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] согласно природе [= истинной реальности] и высказывая [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому, как этого не помнят спящие» (DK 22 B1). Это объясняет, почему большинство людей живет в разладе с логосом, несмотря на повседневную связь с ним в реальной жизни.

Исходя из данных рассуждений, можно сделать вывод, что Гераклит считал себя тем человеком, которому удалось на основе своего опыта постигнуть скрытые секреты природы и разгадать тайные знаки бога. В целом, он так о себе и думал, хотя сам Эфесец не изучал природу вокруг себя. Находя мудрость в знании всеобщего, частными науками он не занимался и не принадлежал ни к «физикам», как Фалес, Анаксимандр и Анаксимен, ни к «математикам», как Пифагор или Гиппас. Свой путь к логосу Гераклит передал, как ἐδιζήσαμην ἐμεωυτόν, т. е. «Я искал (исследовал, выпытывал) самого себя» (DK 22 B101). Плутарх писал, что он со значением говорил об этом, а из

Дельфийских изречений более всего ценил «Познай самого себя», в чем видит его сходство с Сократом (Плутарх, *Против Колота* 118 С). Но если Сократ позднее переосмыслил эту гному как призыв к изучению нравственной природы человека, то Гераклит в какой-то момент увидел в ней способ постижения природы мира в целом и таким путем пришел к познанию логоса. Вероятно, поэтому в молодости он утверждал, что не знает ничего, а в зрелости, что знает все (Диоген Лаэртий, *Жизнеописания философов* IX, 5).

Следует признать, что способ познания мира и логоса, открытый Гераклитом, при всей его новизне открывает простор для различных спекуляций, ибо во многом основан на интеллектуальной интуиции и не предполагает рациональных доказательств полученных знаний. Учение Эфесца можно принимать или не принимать, но его нельзя системно изложить и передать как метод ученикам, что показали те последователи, которые, как Кратил, довели его отдельные тезисы до абсурда. Можно сказать, что Гераклит услышал обращение Логоса ко всем людям, но не объяснил, как они могут ознакомиться с ним сами, а передал его в своем изложении, предложив принять на веру. «Парадоксально, – пишет У. Гатри, – но Гераклит претендует на то, что является единственным, или практически единственным, кто постиг этот общий Логос. Но вина в этом других, ибо истина открыта для всех...» (Гатри 2015, 695). Чаще всего Эфесец обвиняет в незнании логоса самих людей, которые не мыслят вещи такими, какими встречаются их в опыте (DK 22 B17), слушают, но не понимают (DK 22 B34), слишком быстро судят о значительных вещах (DK 22 B47), мысленно заняты «детскими играми» (DK 22 B70) и не понимают «божественных вещей» из-за своего неверия (DK 22 B86). Поэтому они и не могут воспринять то благо, что открывает всем знание логоса.

3. В чем благо человека от познания логоса?

Как следует из его изречений, Гераклит считал свое учение направленным не только на созерцание величия мирового порядка, но и на следование истинным ценностям и предпочтение лучшего образа жизни. Познание логоса задает людям цель их совместного существования, тогда как его незнание подрывает устои человеческого общежития. Гераклит прямо говорит об этом: «Поэтому должно следовать общему, но хотя разум (логос) – общ, большинство [людей] (οἱ πολλοί) живет так, как если бы у них был особенный рассудок (ἰδίαν φρόνησιν)» (DK 22 B2). Но что понимал Эфесец под «следованием общему» на практике? Здесь он выступал в качестве истинного наследника традиции «семи мудрецов», которые видели высшее благо че-

ловека в исполнении своих гражданских обязанностей, в служении благу своего полиса. Преодолевая свое презрение к большинству, Гераклит убежден сам и убеждает других в том, что «своеволие (ὑβρις) надо гасить пуще пожара» (DK 22 B43) и что «народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]» (DK 22 B44). Здесь имелись в виду, конечно, не любые законы, принятые людьми, а только те, в которых он видел выражение мирового логоса, «ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и [все] превосходит» (DK 22 B114). Но жизнь выявила серьезное расхождение между Гераклитом и эфесцами в понимании того, что следует считать своеволием и хорошими законами.

Как аристократ по роду и по духу Гераклит полагал, что править должен лучший из граждан, и, если такой человек становится во главе других, то «закон именно в том, чтобы повиноваться воле одного» (DK 22 B33). И его активное участие в переговорах, побудивших эфесского тирана Меланкому отказаться от власти, вероятно, было связано с убеждением, что тот недостаточно хорош, чтобы ему подчинялись все. На роль эсимнета (αἰσυμνήτης), т. е. выборного правителя Эфеса, по его мнению, наиболее подходил его друг Гермодор, отличавшийся как законотворческими талантами, так и, надо полагать, аристократическим высокомерием, присущим и самому Гераклиту. Однако большинство эфесцев не пожелало принять его ни как законодателя, ни как правителя, подвергнув остракизму этого «лучшего из людей». Тогда Гераклит в гневе заявил: «Эфесцы заслуживают того, чтобы их перевешали всех поголовно за то, что изгнали они Гермодора, мужа из них наилучшего, сказавши: “Среди нас никто не будет наилучшим! А не то быть ему на чужбине и с другими!”» (DK 22 B121). Затем, по словам Диогена Лаэртия, он в оскорбительной форме отказал согражданам дать законы их городу. Со стороны Гераклита это был двойной вызов, ибо, согласно Плутарху, мудрецы в то время получали свое почетное звание за заслуги в государственных делах (Плутарх, *Солон* 3).

На том карьере Гераклита в политике была закончена, отчего некоторые историки видят в его жизни «трагедию нереализованных возможностей». «В политической истории Эфеса он мог сыграть роль эсимнета, наподобие Солона. Однако гордая независимость, резкость тона, оскорблявшая эфесских ропею, стремление сыграть исключительную роль в политической жизни полиса привели к крушению его жизненных планов» (Лаптева 2008, 105). Но было бы неверно сводить суть конфликта Гераклита с согражданами лишь к неудаче его попытки сделать выборным правителем своего друга. Между ними было противоречие не только в политических взглядах, но и в моральных

ценностях. Гераклит следовал аристократическому этосу с его превознесением мужской доблести и воинской славы. Явно противопоставляя свой идеал мечтам «дурного большинства», он заявлял: «Лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу – бранным вещам» (DK 22 B29). Последняя характеристика явно относится ко многим эфесцам, так как жители этого богатого города, по отзывам древних авторов, были весьма склонны к чувственным удовольствиям. Однажды Гераклит даже преподавал им урок, когда во время осады города персами, не заставившей горожан отказаться от обильной пищи, он демонстративно начал есть ячменную муку, смешанную с водой, побудив их умерить свой рацион, что помогло выдержать осаду.

Тем не менее, познание логоса и следование ему не принесли Гераклиту ни почета, ни славы среди сограждан, начавших гордиться своим философом только после смерти последнего, когда его мудрость была признана в других греческих городах. Такое отношение к мыслителю на родине во многом было связано с его вызовом, брошенным «дурному большинству», которое он презирал и порицал за порочное поведение и неумение ценить лучших людей города. Известно, что из всех людей, живших до него, Гераклит лучше всего отзывался о Бианте из Приены (DK 22 B39). Однако он не последовал совету этого мудреца, данному в сочиненной им песне: «Будь всем гражданам угоден, где тебе ни случится жить: // В этом – благо истинное, дерзкому же норову // Злая сверкает судьба» (Диоген Лаэртский, *Жизнеописание философов* I, 85). И на то у Эфесца были свои причины, которые следует искать не только в особенностях его личности.

Оппозиция мудреца и толпы, проявившаяся в жизни Гераклита, была характерна для многих философов древней Греции. Конфликт между ними отражал противоречие, заложенное в самом основании античного полиса. Будучи коллективом граждан, объединенных для защиты своих частных интересов, полис требовал от них подчиняться общему интересу как условию своего существования. Однако сами граждане в своем большинстве сохраняли единство лишь тогда, когда им грозили беды, которые они могли преодолеть только сообща (например, при угрозе нападения врагов или восстания рабов). В остальное время они, за исключением разве что спартанцев, отдавали предпочтение своим делам, следуя, как сказал бы Гераклит, «не Правде, а мнению». Мудрец, являвший собой пример служения общему, был востребован согражданами главным образом в период опасности, грозившей всей общине, чтобы помочь ей мудрым словом или делом. В обычной жизни он представлял для них, скорее, помеху и укор, обвинение в том, что они живут как получается, а не как надлежит. Поэтому и судьба такого мудреца обычно была незавидна: его либо считали чужаком, как Фа-

леса, либо изгоняли из полиса, как Анаксагора и Протагора, либо осуждали на смерть, как Сократа. Гераклит, если верить древним авторам, решил покинуть свой город сам, удалившись в горы. В Эфес он вернулся только затем, чтобы там умереть, еще не зная, что обретет бессмертие.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гатри, У.К.Ч. (2015) *История греческой философии в шести томах*. Санкт-Петербург. Т. 1., 660–790.
- Диоген Лаэртский (1979) *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова. Москва.
- Лаптева, М. Ю. (2008) «Гераклит и Гермодор в политической истории архаического Эфеса», *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. Вып. 3, 98–106.
- Лебедев, А.В., пер. (1989) *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч.1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва.
- Лосев, А.Ф. (2000) *История античной эстетики в десяти томах*. Москва. Т. 1.
- Маковельский, А., пер. (1999) *Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды*. Минск (оригинальное издание: Казань, 1914–19).
- Секст-Эмпирик (1975) *Сочинения в двух томах*. Пер. А. Ф. Лосева. Москва. Т. 1.

REFERENCES

- Diels, H., Kranz, W. (1960) *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Berlin. Bd. 1.
- Kahn, Ch. H (1979) *The Art and Thought of Heraclitus: A New Arrangement and Translation of the Fragments with Literary and Philosophical Commentary*. Cambridge, 87–95.
- Seaford, R. (2004) *Money and the Early Greek Mind*. New York, 231–265 («Heraclitus and Parmenides»).
- Vieira, C. (2013) «Heraclitus' Bow Composition,» *The Classical Quarterly* 63.2, 473–490.

References in Russian:

- Guthrie, W. K. C. (2015) *Istoriya grecheskoj filosofii v 6 t.* Sankt-Peterburg. Т. 1.
- Lapteva, M.YU. (2008) «Geraklit i Germodor v politicheskoj istorii arhaicheskogo Efesa,» *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seryu 2. Issie 3, 98–106.
- Lebedev, A.V., per. (1989) *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*. Ch.1. *Ot epicheskikh teokosmogonij do vzniknoveniya atomistiki*. Moscow.
- Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoj estetiki v 10 t.* Moscow. Т.1.
- Makovel'skij, A., per. (1999) *Dosokratiki. Doeleatovskij i eleatovskij periody*. Minsk.